

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

14 СУББОТА
ИЮЛЯ 1934 г.

№ 160 (3189)

Цена 10 коп.

ГАЗЕТА МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ВКП(б) И МОССОВЕТА

ЧЕХОВ И АКТЕР

РЕДКО КТО из русских писателей был так неразрывно связан с театром, как А. П. Чехов. И редко вместе с тем у кого можно встретить столько резких суждений о театре и актере, как у Чехова.

«Современный театр — это сыпь, дурная болезнь городов. Надо гнать эту болезнь метлой, но любить эту неадорную» (письмо к драматургу Щеглову)... «Театра я не люблю» (письмо к нему же)... «Поздравительная форма — это законная жена, а драматическая — эффектная, шумная, наглая и утомительная любовница» (письмо к Плещееву). Когда в Таганроге возникает проект совместить в одном новом здании городскую библиотеку и театр, Чехов решительно протестует против такого «совместительства» и пишет: «Театры — учреждения наполовину коммерческие, дайте срок, и они сами начнут расти, как грибы, и на каждой улице будет по театру, именно по такому театру, какой этой улице нужен...» «Перешитый театр не выше толпы, а, наоборот, жизнь толпы выше и умнее театра, — значит он не школа, а что-то другое»...

Таких оценок и суждений в переписке Чехова и в произведениях его очень, очень много. Они почти неизменны на протяжении всей его жизни.

Значит ли это, что Чехов не любил театра? Конечно, нет. Но он не любил того театра, с которым долго сталкивался на практике, того театра, который по вывеске — школа, а на самом деле — что-то другое». Не выносил его грубости, быстрой неряшливости, невежества. «Попробуй похвалить при нем Дуэ, — говорит Чехов в «Чайке» об актрисе, — ого-го! Нужно хвалить только ее одну, нужно писать о ней, кричать, восторгаться ее необыкновенной игрой, в «Ах там ах там» или в «Чале жизни». Она суверена, бонита трех свечей, тринадцатого числа...» «Актрисы, — пишет Чехов Лейкуну, — капризны, самолюбивы, друг друга терпеть не могут, и какой-нибудь готов душу продать вешному, чтобы его товарищу Z не досталась хорошая роль»...

А вспомните оборотки «Сказки Мельпомены», рассказы «Средство от запоя», «Актёрская гибель» и др. Везде та же страстная ненависть к театральному бескультурию, невежеству, власти шаблона. «Пишу докторскую диссертацию на тему «О способах прививки ненависти к театру», — зло шутит Чехов в письме к Щеглову.

★

Большая драматургическая карьера Чехова начинается с 1887 года постановкой в театре Корша его «Иванова». Скромный Чехов с тревогой делится своими опасениями в письме к брату: «Пьесу я писал впервые, ошибки обязательны». Ос-

Могила Чехова на Ново-Девичьем кладбище.

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ.

(1904 г.—15 июля—1934 г.)

тается проверить ее на сцене. И вот вечер премьеры в описании самого Чехова (письмо к брату Алекс. П. Чехову). Что он дал молодому автору?

«Киселевский (он играл главную роль — З. Б.) не сказал правильно ни одного слова. Буквально на одного. Он говорил свое... Второе действие. На сцене масса народа. Гости. Роль не знают — путают, говорят влор. Каждое слово режет меня ножом по спине... Действие четвертое. В арку введен ужинный стол (свадьба). Музыка играет туши. Выходят шаферы: они пьяны, и потому, видящих ли, надо клоуничают и выкидывают колена. Балаган и кабак, приводящие меня в ужас. Засим выход Киселевского: душу захватывающее поэтическое место, но мой Киселевский роли не знает, пьян, как сапожник, и из поэтического коротенького диалога получается что-то титущее и гнусное».

Можно представить себе состояние Чехова, боявшегося всякого нажима, всякой нарочитости, всякого опошленного эффекта во всем, начиная с названия пьесы. «Драма должна или выродиться, или принять совсем новые неизведанные формы», — приходит к выводу Чехов. Такой новой формой и была «Чайка», написанная почти после десятилетнего перерыва. Беспирный провал ее актерами петербургского Александринского театра — факт общезвестный. Ни один актер «образцовой» труппы, за исключением Комиссаржевской, не отошел от тренированной рутины, от власти традиционного пантриша штампованных ролей. И «Чайка» была убита наповал. «Если я проживу еще 700 лет, — говорит Чехов Суворову, — то и тогда не отдам на театр ни одной пьесы... Будет».

★

Но в это как-раз время начался его «роман» с Художественным театром. Конечно не случайный. Конечно закономерный. В своем отношении к переоценке театра, в своих путях и исканиях Чехов и Художественный театр были явлениями однородными. И если прибавить сюда Горького, имя которого Художественный театр носит теперь вполне органически, надо полосу создания нового русского театра конца 90-х годов обозначить четырьмя именами: Чехов, Станиславский, Немирович-Данченко, Горький.

Они подводили черту под всем тем, что так страстно ненавидел в театре Чехов. Они открывали сле-

дующую страницу его истории. В единоборстве Чехова с «казенным» Александринским театром, скандально провалившимся «Чайку», исторически был прав Чехов. Полная реабилитация и успех той же «Чайки» в Художественном театре — лучшее доказательство тому.

«Художественный театр, — пишет в ноябре 1899 года Чехов Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко, — это лучшая страница той книги, которая будет когда-либо написана о современном русском театре... Это — единственный театр, который я люблю».

Чехов добивался в актере язычной простоты. Как язык пьесы должен быть «прост и изыскан», так должны быть просты и язычные актерская передача, актерская речь и прием. В этом смысле даже в Художественном театре не все актеры удовлетворяли его, в том числе даже очень талантливые и известные. «Я М—у писал и убеждал в письме, — жалуется Чехов в письме О. Л. Книппер 2 января 1900 года, — не быть резким в изображении нервного человека. Ведь громадное большинство людей нервно, большинство страдает, меньшинство чувствует острую боль, но где на улице и в домах вы видите мучащихся, скачущих, хватающих себя за голову? Страдания выражать надо так, как они выражаются в жизни, т. е. не ногами и руками, а тоном, взглядом, жестиком, членом, а грацией. Тонкие душевные движения и внешним образом надо выражать тонко. Вы скажете: условия сцены. Никакие условия не допускают лжи».

Станиславский в книге «Моя жизнь в искусстве» распекает чрезвычайно высоко те пути, которые Чехов намечал актеру. «Чехов, — говорит он, — «водрузил веку» на пути развития актерского мастерства. И те из артистов, которые с сомнением и чувством превосходства говорят об устарелости Чехова, сами еще не доросли до него... Глава о Чехове еще не кончена. Ее еще не прочли как следует, не вникли в ее сущность и преждевременно закрыли книгу. Пусть ее раскроют вновь, изучат и дочтут до конца».

Пожелание Станиславского исполняется. Предстоящий зимний театральный сезон вновь «раскрывает книгу» чеховских пьес и дает возможность судить о росте чеховского актера, уже прошедшего образцовую школу Художественного театра.

Эм. БЕСКИН